

В три часа ночи Тан Юйхуэй написал длинное письмо своему преподавателю, у которого должен был писать диссертацию. После всего, что случилось, он не связывался с профессором. Во-первых, из-за стыда: пусть Кэ Нин и объяснил всё за него, но чувство вины не отпускало. Во-вторых, Тан Юйхуэй просто не знал, как начать разговор. Извинения дались ему с трудом: он до сих пор не понимал, в чём ошибся.

Тан Юйхуэй не хотел отвлекать профессора от работы и немного робел, поэтому специально отправил письмо глубокой ночью. Он знал, что от занятий наукой выпадают волосы, но не думал, что его будущий наставник ведёт ночной образ жизни. Не прошло и нескольких минут, как пришёл ответ.

Профессор, который должен был стать его научным руководителем, пользовался уважением и авторитетом, но даже на их факультете, где строгость была в порядке вещей, он славился своей суровостью и нелюдимостью. Многие старшие товарищи жаловались, что докторантура под его началом превращалась в подавляющий, заставляющий сомневаться в себе этап жизни, когда умереть было проще. Впрочем, Тан Юйхуэй, немного пообщавшись с профессором, чувствовал, что смог бы приспособиться.

Но этот преподаватель и впрямь всегда был резок, язвителен и не щадил ничьих чувств. Даже Тан Юйхуэй не назвал бы его душевным человеком. Однако сегодня в этом обычном письме он уловил тщательно взвешенное утешение. Фразы по-прежнему звучали строго, в письме был список литературы для подготовки к экзаменам в аспирантуру.

Вступительные экзамены не должны были коснуться Тан Юйхуэя. Предполагалось, что он, окончив университет с отличием, автоматически продолжит обучение у лучшего наставника. Все воспринимали это как должное. Даже когда его история наделала много шума, профессор дал понять, что не возражает против академического отпуска, который Тан Юйхуэю оформил университет, и по-прежнему держал для него место в аспирантуре. Но Тан Юйхуэй настаивал на экзаменах и объяснил это в письме. Впрочем, профессора, кажется, не волновали такие мелочи, как и то, что Тан Юйхуэй целый год отсутствовал в университете. В конце письма стояло: «В следующем семестре возвращайся — и за работу. Где ты вообще пропадаешь?»

Тан Юйхуэй с детства был отличником, его блестящая биография воздвигала стену между ним и остальными людьми. Он всегда был самостоятельным и независимым, уважал преподавателей, но не сблизился с ними. Впервые в жизни, читая письмо, он почувствовал, как в горле запершило от нахлынувших эмоций. В ответе он не указал точной даты возвращения в Пекин, лишь вежливо поблагодарил.

Сигнал в комнате Тан Юйхуэя был отличным. После нажатия на кнопку «Отправить» кружок загрузки едва успел сделать оборот, как появилось уведомление об успешной отправке. В миг, когда страница обновилась, у него возникло ощущение, будто он спустился с облаков на землю — ему даже послышался гул выпускаемых шасси. Гардзе вдруг стал очень далёким, хотя Тан Юйхуэй всё ещё находился здесь.

Он почувствовал себя странником, долго блуждающим по пустыне. После долгого пути без ориентиров сквозь бесконечные пески он вдруг в самом сердце этой пустоши наткнулся на космический корабль. Эта абсурдная картина напомнила Тан Юйхуэю, что он всего лишь гость — корабль унесёт его прочь с планеты, где он ненадолго задержался.

Письмо было тем кораблём, космический корабль — бабочкой из сна. Стоило сну разбиться, как уже было не понять: то ли это Тан Юйхуэй, выросший на сычуаньских лугах и полюбивший эти места сильнее коренных жителей видел двадцатилетний сон о былом, то ли тот Тан Юйхуэй, что получал высшие награды в лучшем университете страны и засыпал в одиночестве под мерцание приборов, грезил о далёкой мечте.

Наверное, его счастливые дни с самого начала были иллюзией, сотканной отдельными мгновениями. А сама возможность пережить их была лишь предначертанной платой за то, что корабль унесёт его из этого мира.

По некоторым причинам Тан Юйхуэй в последнее время избегал Кан Чжэ. Он делал это исподволь, а Кан Чжэ был слишком занят и, казалось, ничего не замечал. В городке, похоже, готовились к какому-то празднику, и каждый день к Кан Чжэ приходили тибетцы, и молодые, и старые. Помимо этого внимания требовали туристы, так что Кан Чжэ каждый день был нарасхват и почти не появлялся.

Тан Юйхуэю наскучило наблюдать, как Кан Чжэ общается с людьми: за его усталостью он

видел тщательно скрываемую, молчаливую скуку. Поэтому он приходил только ночью: дождавшись, когда родители Кан Чжэ заснут, тайком проскальзывал в его комнату.

Иногда Кан Чжэ курил, обняв его, и сидел под уже покрытым зеленью персиковым деревом, глядя на такие же уставшие звёзды. Иногда они с Тан Юйхуэем сидели каждый на своей половине кровати и читали книги на разных языках. А иногда Тан Юйхуэй заставлял Кан Чжэ уже спящим. Их свободное время всё чаще не совпадало, и в такой ситуации Кан Чжэ часто не знал, чем Тан Юйхуэй занят днём.

Тот ходил в несколько школ, но, так как не участвовал в университетской программе и мог остаться только до конца лета, ни одна из них не взяла его учителем. Даже если речь шла о волонтерстве — редкой и ценной возможности для местных школ с их скромными условиями — они сдержанно относились к подобным порывам и не спешили соглашаться на предложение Тан Юйхуэя, хотя он, вероятно, был самым продвинутым студентом, которого им доводилось видеть.

Найти причину остаться оказалось труднее, чем он ожидал. Тан Юйхуэй не решался сказать об этом Кан Чжэ. Он беспокоился о его реакции и предчувствовал, что тот не обрадуется. Поэтому лучшим выходом, который он мог придумать на данный момент, было сначала казнить, а потом доложить императору — поставить его перед фактом.

В тот день Тан Юйхуэй снова ушёл днём один. Когда Кан Чжэ вернулся с пастбища в гостевой дом, его мать была на кухне, а отец сидел в холле и смотрел телевизор. Кан Чжэ застыл в дверях. Отец усмехнулся:

— Ищешь ся Тана?

Кан Чжэ не ответил.

— Ты уже все глаза проглядел, — сказал отец. — Ся Тан ушел.

— Опять? — спокойно отреагировал Кан Чжэ.

Отец отвёл взгляд от экрана и удивлённо посмотрел на него:

— Разве раньше ты горел желанием брать его с собой?

Кан Чжэ приподнял веки:

— Я и сейчас не горю. — Он взял со стола ключи от мотоцикла, не собираясь дослушивать отца. — Уехал. Вернусь к ужину.

Получив очередной отказ от школы, Тан Юйхуэй бесцельно брёл вдоль реки, пока, случайно свернув на какой-то развилке, не оказался перед незнакомым храмом. Кан Чжэ не было рядом, и Тан Юйхуэй, не зная местных обычаев, не решался войти внутрь.

Это был очень уединённый и уже довольно ветхий буддийский монастырь. Тан Юйхуэй не встретил ни одного монаха — возможно, они ушли совершать кору вокруг горы, а может, здесь уже давно никого не осталось. Перед главным зданием возвышалась высокая площадка, почти как алтарь, в центре которой стояла большая белая ступа. Тан Юйхуэй поднялся наверх. Ему всегда было любопытно, но он впервые так близко видел одну из белых ступ, разбросанных по всей кандинской степи.

На вершине ступы висел круг из колокольчиков. Порывы ветра время от времени пробежали по ним, оживляя воздух глубоким, протяжным звоном. Хотя ступа была простой и ничем не примечательной, в тот миг, когда она зазвучала, словно пробудившись по зову неба и земли, пространство в одно мгновение наполнилось величием и торжественностью.

Когда Кан Чжэ нашёл Тан Юйхуэя, он издали увидел, как тот, стоя на платформе, касается рукой основания белой ступы и, запрокинув голову, смотрит на её вершину, глубоко

погружённый в свои мысли. Рёв мотоцикла нарушил безмолвие, стремительно приближая пустующее пространство к кромке облаков. Но даже когда Кан Чжэ подъехал вплотную, Тан Юйхуэй не заметил его и не шелохнулся.

Кан Чжэ заглушил мотор, выставил ногу для опоры, и ему вдруг расхотелось слезать. Он поднял взгляд и окликнул того, кто был наверху, низким голосом:

— Тан Юйхуэй!

Колокольчики на вершине ступы вновь запели, наполняя звоном промежутки между порывами ветра, и слух Тан Юйхуэя начал медленно, пядь за пядью, возвращаться к нему. Кан Чжэ почти никогда не звал его по имени, и сейчас это прозвучало так, будто голос его доносится через реку забвения. Тан Юйхуэй, пребывая в прострации, чуть шевельнулся. Кан Чжэ, глядя на него, нахмурился:

— Тебя что, на руках отсюда снимать?

Нахмуренные брови мгновенно вернули Тан Юйхуэя в реальность.

— Не нужно. Как ты здесь оказался?

— Поехал за покупками, — ответил Кан Чжэ. — Отец велел забрать тебя по пути домой.

Пустая доселе сцена пришла в движение, всё её необъятное, открытое пространство расцвело пышной парчой. Тан Юйхуэй моргнул и медленно произнёс:

— Так ты приехал за мной?

Кан Чжэ крутанул ручку газа, давая понять, что готов тронуться с места, и Тан Юйхуэй, уловив намёк, тут же замолчал. Он собрался покорно спуститься с квадратной площадки, но тот, кому надоело ждать, вдруг сделал широкий шаг и, сверкнув длинными ногами, подошёл к подножию ступеней. Вскинув голову, Кан Чжэ встретился взглядом с тем, кто стоял наверху. Тан Юйхуэй уже хотел что-то сказать, но Кан Чжэ внезапно коснулся его обнажённой лодыжки. Он слегка сжал её и не слишком нежно произнёс:

— Быстрее. Пора домой, я голоден.

Прикосновение заставило все нейроны Тан Юйхуэя сконцентрироваться в месте касания: маленький участок кожи необъяснимо занемел. Он вздрогнул и искренне признался:

— Иногда ты меня и вправду пугаешь...

— Прыгай, — перебил его Кан Чжэ.

— Что?

Кан Чжэ улыбнулся:

— Не прыгнешь — я уеду. Пойдёшь пешком.

Тан Юйхуэй взглянул вниз. В общем-то, не так уж и высоко. Но Кан Чжэ... он ведь и правда ненормальный, да? Его лодыжка всё ещё немела, но он шагнул в пустоту с неожиданным упрямством. В этом движении было что-то от капризного ребёнка, но во взгляде читалась ясная и негибкая решимость в одиночку пойти против целого мира. Кан Чжэ всегда восхищала эта черта Тан Юйхуэя — одинокая отрешённая смелость, которая никогда не переходила в хрупкость. Прыжок, сделанный с мальчишеской беспечностью, словно растянул мгновение, и казалось, юноша парит в воздухе целую вечность.

Кан Чжэ разглядел выражение его лица, развевающиеся на ветру полы одежды — и только когда звон колокольчиков с вершины ступы пронзил облака и достиг травы, его руки наконец приняли вес тела героя, спрыгнувшего с помоста. Обхватив Тан Юйхуэя за талию, Кан Чжэ высоко поднял его, молча рассмотрел на фоне пейзажа и улыбнулся — той же самой улыбкой, что и всегда, но Тан Юйхуэй никогда прежде такой не видел.

Кан Чжэ усадил Тан Юйхуэя на мотоцикл, решительно нахлобучил ему на голову шлем и сказал с напускной суровостью:

— Впредь я отвезу тебя, куда бы ты ни собрался. Не смей уходить один, понял?

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12810/1130178>